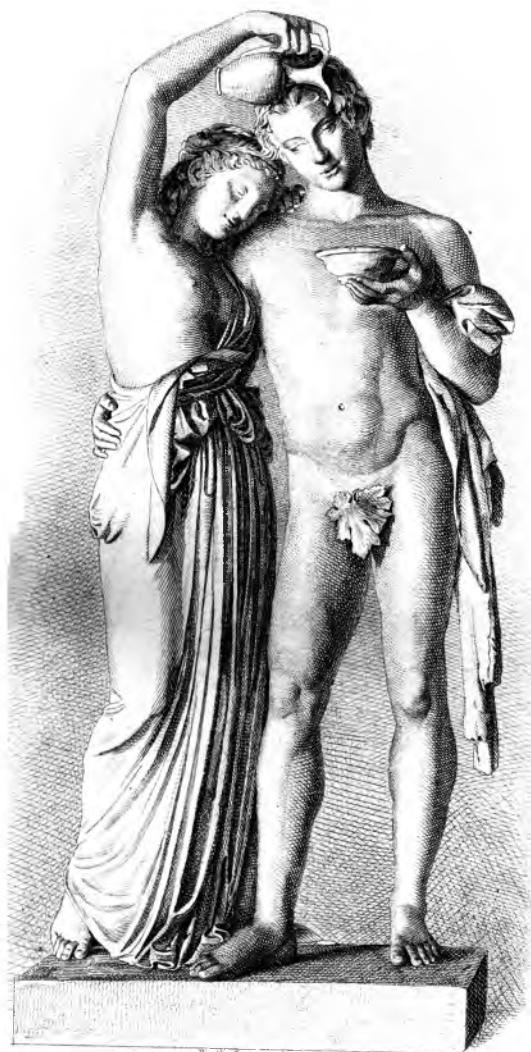

СЪВѢРѢЖ СЪЯЩІЕ

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

ТОМЪ II.

В. И. Орловский

Фавнъ и Вакханка.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ИЗДАНІЕ ВАСИЛІЯ ГЕНКЕЛЯ

1833.

СЪВЕРНОЕ СЯНДЕ,

РУССКИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛЬЕМЪ ГЕНКЕЛЕМЪ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ИЗБРАНИЕ И ВСТУПЛЕНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

Исторический очеркъ.

.... Тово у настъ и на уме вѣтъ. чтобы намъ взяти поземца на московское государство....

Никон. Лѣтоп. VIII. 201.

Событие избранія Михаилова, заканчиваетъ собою особый періодъ русской Исторіи, называемый обыкновенно періодомъ смутного времени. Въ настоящемъ очеркѣ упомянутся прежде всего о дѣятельности предковъ Михаила Федоровича, затѣмъ представится краткій обзоръ событий, очевидцемъ или участникомъ которыхъ былъ самъ Михаилъ Федоровичъ до эпохи своего избранія, и, наконецъ, разскажутся самый ходъ и совершение этого избранія.

Происходженіе предковъ Михаила Федоровича, по фамиліи Романовыхъ, трудно опредѣлить съ точностью. Бархатная книга полагаетъ родоначальникомъ этой фамиліи *Андрея Ивановича* который, выѣхавъ въ Русь изъ Пруссіи, служилъ бояриномъ при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и въ 1347 г. сидѣлъ на воеводствѣ въ Твери. Одинъ изъ пяти сыновей этого Андрея, *Федоръ Андреевичъ* былъ и однимъ изъ довѣреннѣйшихъ вельможъ Дмитрія Донскаго, въ годину борьбы资料 kотораго съ Мамаемъ оставался блести Москву, въ качествѣ душеприказчика скрѣплять, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, обѣ духовныя грамоты Донскаго, а въ 1391 г. даже породнился съ Рюриковичами, выдавъ дочь свою Анну за князя Федора Михайловича, сына вел. кн. тверскаго Михаила Александровича. Внукъ Федора Кошкина, бояринъ *Захарій Ивановичъ*, присутствуя, въ 1433 г., на свадьбѣ вел. кн. Василия Васильевича Темнаго, принималъ личное участіе въ извѣстной исторіи съ поясомъ, сорваннымъ тогда матерью великаго князя съ кн. Василія Косаго, ⁽¹⁾ и, по свидѣтельству лѣтописца «имался за поясъ у князя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою». ⁽²⁾ Сыновья этого Захарія продолжали вельможествовать при московскомъ дворѣ, и изъ нихъ *Яковъ*, отличный воинъ и дипломатъ, носилъ званіе большаго воеводы при

завоеваніи Твери въ 1485 г., послѣ чего, въ 1488 г., былъ намѣстникомъ и смирителемъ Новагорода, а *Юрій*, воевода большаго полка въ знаменитомъ бою при Ведрошѣ, въ 1500 г., извѣстенъ также за яраго поборника мѣстничества. Дѣти Якова и Юрия Захарьевичей, оставивъ родовое прозвище Кошкиныхъ, стали именоваться и писаться по отцамъ: одни *Яковлевыми* - *Захаринными*, а другіе *Юриними*-*Захаринными* и дочь окольничаго Романа Юрьина-Захарьина, Анастасія, сдѣлалась, въ 1547 г., женою царя Ивана IV Васильевича Грознаго. Съ этого времени родичи царицы Анастасіи Романовны начали возвышаться больше прежняго, причемъ особенно извѣстнымъ изъ нихъ сдѣлался братъ царицы и дѣдъ Михаила Федоровича, *Никита Романовичъ Юринъ-Захарьинъ*, мужъ совѣта опытный и дѣятельный, вождь искусный и велиcodушный, вельможа добродѣтельный, стяжавшій глубокое уваженіе Бориса Годунова, тогда еще царедворца, и любовь всего московскаго простонародья, которое увѣковѣчило имя дѣда Михаилова въ одной изъ пѣсенъ своихъ, обрисовывающей съ тѣмъ вмѣстѣ нравы эпохи, и начинающейся такъ:

«А чѣмъ боярина пожаловати
«А старого Никиту Романовича?
«А погресть тебѣ золата, серебра,
«Второе тебѣ питья разнаго;
«А сверхъ того грамата тарханская:
«Кто церкви покрадеть, мужика ли убеть,
«А кто у жива мужа жену уведеть
«И уйдетъ въ село во боярское
«Къ старому Никитѣ Романовичу—
«И тамъ быть имъ не въ выдачѣ. ⁽³⁾

Изъ семерыхъ сыновей Никиты Романовича — умершаго въ 1585 г., по мнѣнію Флетчера, отъ отравы — сдѣлался болѣе прочихъ знаменитымъ старшій, *Федоръ Никитичъ*, любимецъ царя Федора Ивановича, дворовый — или ближний — воевода въ царскомъ походѣ 1590 г. къ Пскову и одинъ изъ трехъ, которому, вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ и бояриномъ — слугою Борисомъ Годуновымъ, шуриномъ

⁽¹⁾ Картина, изображающая эту сцену, помѣщена у 314 страницѣ Сѣвернаго Сіянія на 1862 годъ.

⁽²⁾ Исторія Государства Россійскаго, Н. Карамзина, изд. Эйнерлинга (5-е), т. V., прим. 270.

⁽³⁾ Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Давиловымъ. Изд. Калайдовича, 1818 г. с. 435 136.

Изд. В. Е. Генкеля въ СПб.

Съ картины Г.И. Угрюмова.

Печ. со стамп. Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

ИЗВЕЩАНИЕ О ПРИЕСТОДЛѢ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА
РОМАНОВА.

царскимъ, умирающи Федоръ Ивановичъ приказывалъ душу свою. Есть даже преданіе, что когда къ смертному одру бездѣтнаго Федора пришли бояре съ вопросомъ: кому остаются корона и скипетръ? то царь «отдаде самъ изъ рукъ своихъ державу Федору Никитичу Романову, племяннику родному матери своея благовѣрныя царицы и великия княгини Настасії Романовны; но онъ, не хотя ея принять, сказалъ брату своему Александру, чтобы тотъ принялъ, а Александръ сказалъ третьему брату Ioannu, чтобы тотъ ее принялъ, а Ioannu указалъ на четвертаго брата своего Михаила, чтобы тотъ принялъ; того ради уже кончающейся царь Федоръ Ioannovichъ опустилъ державу свою на землю и речъ: пускай кто хощеть, тотъ ея и возметъ. Тогда Борисъ Годуновъ, по прошенію всѣхъ бояръ, взялъ державу лежащую отъ земли» (4). При всей баснословности этого преданія, оно, тѣмъ не менѣе, служить отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія, которое, уже въ то время, очевидно не выдѣляло Романовыхъ изъ среды царскаго семейства, и, слѣдовательно, не могло относиться къ нимъ заурядъ съ прочими боярскими фамиліями. Но такое значеніе потомковъ Андрея Кобылы, конечно, не могло нравиться Борису Годунову, избранному, по смерти Федора, въ цари, и старавшемуся устранить заблаговременно какъ дѣйствительныя, такъ и воображаемыя помѣхи къ упроченію на русскомъ престолѣ собственной своей династіи. Поэтому, воспользовавшись извѣстомъ казначея Романовыхъ, Баженова, что въ кладовой Александра Никитича Романова хранятся мѣшки съ волшебными зельями на пагубу Годуновыхъ—мѣшки, дѣйствительно найденные при обыскѣ кладовой, но, какъ думаютъ, подложенные Семеномъ Годуновымъ,—царь Борисъ велѣлъ немедленно схватить, доставить въ Москву и судить всѣхъ безъ исключенія Романовыхъ съ ихъ близкими и дальними родичами, причемъ, по свидѣтельству лѣтописца, «Федора Никитича съ братею и съ племянникомъ, со княземъ Иван. Бор. Черкасскимъ, приводиша не одново къ пыткѣ» (5). Судъ кончился въ Юнѣ 1601 г. тѣмъ, что Боярская Дума, изъ угощенія царю; произнесла надъ Романовымъ слѣдующій приговоръ: Федора Никитича постричь въ монахи и, подъ именемъ Филарета, предать тѣсному келейному заключенію въ Антоніевѣ-Сійскомъ монастырѣ, нынѣшней Архангельской губерніи; жену Федора, Ксению Ивановну, изъ рода Шестовыхъ, постричь же и, наименовавъ Марою, отправить въ Толвуйскій погостъ, за Онегу; дѣтей

ихъ: дочь, дѣвицу Татьяну, и сына, 5-ти лѣтняго Михаила, удалить съ сестрою Федора Никитича, княгинею Черкасскою, и мужемъ ея на Бѣло-Озеро; братьевъ Федора Никитича—разослать въ отдаленные города, для содержанія тамъ въ оковахъ; прочихъ родичей Федора Никитича—подвергнуть заключенію въ тюрьмахъ или монастыряхъ. Приговоръ этотъ исполнился во всей точности, и 5-ти лѣтний Михаилъ Федоровичъ долженъ былъ испытать разомъ два горя: разлуку съ родителями и лишенія материальнаго. Первое изъ этихъ испытаній, быть можетъ, еще не ложилось особенно тяжело на душу 5-ти-лѣтняго ребенка, или, по крайней мѣрѣ, скоро могло заглаживаться въ ней другими обыденными впечатлѣніями, и ни въ какомъ случаѣ не походило, напримѣръ, на мучительныя ощущенія души отца Михаилова, инока Филарета, который, томясь невольною разлукой съ семействомъ, взывалъ въ кельѣ своей такъ: «Милыя мои дѣтки, маленкія бѣдныя осталися; кому ихъ поить и кормить? Таково ли имъ будеть нынѣ, каково при мнѣ было?... мнѣ ужъ что надо? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ» и проч. (6). Но лишенія материальнаго, непосредственно замѣнѣвшія собою недавнюю роскошь, долженствовали тѣмъ ощущительнѣе поражать ребенка, что чувствовались ежедневно и были дѣйствительно лишеніями. Послѣднее видно, какъ изъ царскаго выговора приставу Романовыхъ на Бѣло-Озерѣ, Дав. Жеребцову, за то, что узникамъ своимъ «яицъ съ молокомъ даваль не отъ велика», такъ и еще болѣе изъ слѣдующаго любопытнаго донесенія того же Жеребцова царю: «Князь Борисова, Государь, князиня Черкасскаго съ товарыщи мнѣ, холопу твоему, сказала, что у нее, у князь Борисовы князини, и у всѣхъ у тѣхъ, которыхъ съ нею живутъ, сапоги и тѣлогрѣи поизносился. И я, холопъ твой, по твоему Государеву жалованью и по указанной грамотѣ, имъ сапоги и тѣлогрѣи холодныя подѣлалъ и о томъ писалъ къ тебѣ, Государю.... Да била челомъ тебѣ, Государю... князь Борисова князиня Черкасскаго съ товарыщи, а сказали, что у нихъ у всѣхъ рубашки поизносились; чтобъ ты, Государь.... пожаловалъ ихъ, велѣль имъ дати холстовъ на рубашки; и я, холопъ твой, по твоему Государеву.... жалованью и по указнымъ грамотамъ, князь Борисовъ князиня Черкасскаго съ дочерью, да Федоровъ сестрѣ Романова дѣвкѣ Настасіѣ, да Александровъ женѣ Романова Ульянѣ, да Федоровымъ дѣтемъ сыну да дочерѣ, сентября въ пятый день даль новинъ, девяносто шесть ар-

(4) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до полтавской баталии. Изд. 1799. Ч. III, с. 115.

(5) Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1767—1792. Ч. VIII, с. 41 и д.

(6) Акты исторические, собр. и изд. Археографическою Коммиссіею, т. II, с. 51.

шинъ. И князь Борисова князя Черкасского съ товарыщи, того же числа била челомъ тебѣ Государю.... чтобъ ты, Государь.... пожаловалъ ихъ, велѣль имъ дати, къ своему Государеву жалованью, къ прежнимъ новинамъ, къ девяносту ко шти аршиномъ, въ прибавку еще восемъдесять пять аршинъ: «и намъ бы де было, Царскою милостю, по три рубашки вѣмъ шестерымъ». И я, холопъ твой, по твоему Государеву жалованью и по указнымъ грамотамъ, даль имъ новинъ и тое восемъдесять пять аршинъ; а не дать я, холопъ твой, князь Борисовъ князя Черкасского со товарыщи новинъ не смѣль» (7). Такое положеніе дѣтей Романова едва ли улучшилось и въ с. Клинѣ, отцисномъ юрьево-польскомъ помѣстѣ Федора Никитича, куда царь пожаловалъ велѣль перевезти ихъ въ 1603, вмѣстѣ съ теткою, причемъ, для помѣщенія невинныхъ узниковъ, указалъ отвести помѣщичій домъ, а если неѣть его—очистить «крестьянскихъ дворовъ два, три, гдѣ имъ жити луччи» (8). Тутъ, въ с. Клинѣ, Михаилъ Федоровичъ содержался два оставшихъ года царствованія Бориса, который не ранѣе какъ въ 1605 г., т.-е. всего мѣсяца за три до смерти своей, разрѣшилъ матери Михайловой переселиться изъ Толвуйскаго цгоста къ дѣтямъ ея; отца же Михайлова, инока въ полномъ смыслѣ невольнаго, велѣль посвятить въ іеромонахи и архимандриты, хотя приставъ Филарета Богд. Войковъ, почти въ то самое время, со словъ сїской братіи, доносилъ царю, что «живетъ—де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчие и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцомъ жестокъ» (9). Съ воцаренiemъ первого самозванца, выдавшаго себя за сына царя Ивана IV и, слѣдовательно, считавшагося родствомъ съ Романовыми, архимандритъ Филаретъ Никитичъ былъ возведенъ въ сань митрополита ростовскаго, семейство его получило совершиенную свободу, а всѣ родичи возвратились изъ ссылокъ въ Москву, куда, уже незадолго до гибели самозванца, привезли и тѣла троихъ братьевъ Филаретовыхъ: Василия, Александра и Михаила, непережившихъ своего несчастія. Тѣла эти тогда же были погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ, родовой усыпальницѣ всѣхъ предковъ Михаила Федоровича (10). Гдѣ именно пребывало семейство Филаретово въ бурное правленіе царя Василия Шуйскаго,—точныхъ указаний на это неѣть и нельзя принимать за такое

(7) Тамъ же, с. 49.

(8) Тамъ же, с. 48.

(9) Тамъ же, с. 64—65.

(10) Новоспасскій монастырь, И. Снегирева. 1843 с. 126—134.

указание надпись, находящуюся на столбѣ, воздвигнутомъ среди двора Ипатьевскаго монастыря, и гласящую, что «съ 1606 г. Михаилъ Федоровичъ Романовъ здѣсь пребывалъ съ своею матерью»—свидѣтельство сомнительное, особенно если принять въ соображеніе очевидную неточность многихъ другихъ надписей, помѣщенныхыхъ натомъ же самомъ столбѣ (11). Съ гораздо большею достовѣрностью можно предполагать, что, послѣ гибели первого Лжедмитрія семейство Филаретово находилось съ главою своимъ въ Ростовѣ, откуда—послѣ того, какъ второй Лжедмитрій, по-просту называемый *тушиинскимъ воромъ*, сквати въ здѣсь митрополита Филарета, связаннымъ привезъ его въ Тушино, гдѣ держалъ при себѣ въ качествѣ нареченного патріарха всея Россіи—Михаилъ съ матерью и сестрою могли укрываться или въ Москву, гдѣ, какъ думаютъ, жили они въ извѣстномъ домѣ Романовыхъ, на Варварѣ или въ костромскомъ помѣстѣ Домнино, унаследованное матерью Михаила отъ ея отца и дѣда; или наконецъ, въ самой Костромѣ, гдѣ у старицы-инокини Мары Ивановны былъ собственный домъ, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ Костромы; напр. 1628 г., сохранились такія свѣдѣнія: «въ старомъ городѣ (кремлѣ).... переулокъ на большую улицу къ Водянымъ воротамъ—дворъ осадной Великіе Государыни инокини Мары Ивановны, двора въ длину 7 саж. безъ четверти, поперегъ полсемы ($6\frac{1}{2}$) саж. опричь спорные земли; а спорные земли Здвиженскимъ монастыремъ вдлину полдевяты ($8\frac{1}{2}$) саж. поперегъ 5 саж. съ четвертью; дворникъ Гришка портной мастеръ» (12). Слѣдовательно, семейство Филаретово могло быть и не быть въ Москвѣ 17 Июля 1610 г., въ тотъ день, когда «бояря и всякие люди приговарили бити челомъ Государю Царю и Вел. Князю Василью Ивановичу всela Русіи, чтобъ онъ Государь царство отставилъ (т. е. оставилъ), для того, что кровь многая льетца, а въ народѣ говорять, что онъ Государь несчастливъ, а города Українны, которые отступили къ вору, ево Государя на царство не хотятъ же» (13). Семейство Филаретово могло не находиться въ Москвѣ и на ту пору, когда вслѣдъ за низложеніемъ и постриженіемъ Шуйскаго, кн. Фед. Ив. Мстиславскій, первенствующій членъ боярской думы и дальний сродникъ Рюриковичей, чловѣкъ нечестолюбивый, смирный, даже валый, торжественно заявилъ, что самъ онъ царемъ быть не желаетъ и не желаетъ видѣть на престолѣ собрата своего, боярина, а находить необходимымъ из-

(11) Историческое Описаніе Костромского Ипатьевского монастыря. Протоієр. М. Діева. 1858, с. 79. ир. 12.

(12) Историческое Описаніе Костромского Успенского когордального собора. Свящ. П. Островскаго. 1855. с. 34.

(13) Ист. Гос. Росс., Н. Карамзина, т. XII, прим. 559.

брать въ цари кого нибудь изъ царскаго племени, чѣмъ очевидно намекалось на королевича Владислава и, въ то же время, заграждался путь къ престолу кн. Вас. Вас. Голицыну, на которого, какъ на родовитѣйшаго и дѣйствительно умнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ бояръ, уже указывалъ думъ патріархъ Гермогенъ—«словесень мужъ, говорить хронографъ, и хитрорѣчивъ, но не сладко-гласень; отъ божественныхъ же словесвѣхъ присно упражняшесь... А нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстрораспространителенъ, но ко лѣстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слухолестователенъ бысть и отъ добра гира злыми совратенъ» (14). Но когда тотъ же Гермогенъ, видя нерасположеніе бояръ къ указанію его на кн. Голицына, сдѣлалъ думъ и второе указаніе—на сына Филаретова, Михаила Федоровича; происхожденіемъ русскаго, вѣрою православнаго, саномъ не боярина, кровью родственнаго благодушной царицѣ Анастасіи,—семейство Филаретово, гдѣ бы ни находилось оно, по всей вѣроятности, не замедлило прибыть въ Москву. Если же дума, стѣсняемая отъ Можайска польскими войсками Жолкевскаго, также, какъ изъ Коломенскаго сбродомъ тушинскаго вора, видѣла себя въ необходимости выбирать только между королевичемъ Владиславомъ и Лжедмитріемъ вторымъ, а потому и на этотъ разъ оставила ни при чёмъ указаніе Гермогеново,—послѣднее уже обусловило собою дальнѣйшее пребываніе семейства Филаретова именно въ Москвѣ, хотя бы въ виду и того обстоятельства, что уже «всякіе люди московскаго государства били челомъ бояромъ, кн. Мстиславскому съ товарыщи, чтобы пожаловали принятии московское государство, докуды дастъ Богъ государя» (15). Дѣйствительно: сначала, въ самый разгаръ вопроса о цареизбраніи, не присутствовать въ Москвѣ или оставлять ее было бы несомнѣнно съ собственными выгодами всѣхъ претендентовъ и кандидатовъ на русскій престолъ, чего, быть можетъ, и не соображалъ, по отроческой наивности своей, самъ Михаиль Федоровичъ, за котораго однако могли соображать — и, конечно, дѣлали это — другіе, болѣе чѣмъ опытные въ политическихъ передрягахъ всякихъ рода. Потомъ, когда, послѣ человѣтъя Мстиславскому всѣхъ людей, выборъ думы—а за нею Москвы и половины Россіи—остановился на королевичѣ Владиславѣ и былъ скрѣпленъ присягою послѣднему, новый хозяинъ Москвы, гетманъ Жолкевскій, чѣмъ вѣроятнѣе не имѣлъ никакого резона выпускать

(14) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изд. 1834, ч. V, с. 199—200.

(15) Акты Истор. т. II, с. 349.

изъ-подъ собственнаго наблюденія въ Москвѣ бывшаго совмѣстника Владиславова, Михаила Федоровича, а наблюденіе за другимъ совмѣстникомъ того же Владислава, кн. Вас. Вас. Голицынымъ, смѣтливый гетманъ, такъ сказать, предоставляль самому королю Сигизмунду, въ челѣ посольства, къ которому тогда же отправленнаго думою, стали, по интригамъ гетмана, и кн. Вас. Вас. Голицынъ, и отецъ Михаилъ митрополитъ Филаретъ—послѣдній именно потому, что самъ Михаиль Федоровичъ, неимѣвшій еще никакого служебнаго значенія, не могъ быть причисленъ къ посольству, т. е. благовидно удалены изъ Москвы. Со временемъ же сдачи московскаго хозяйства гетманомъ Жолкевскимъ пану Гонсѣвскому, другими словами, съ исхода октября 1610 г., присутствіе семейства Филарета въ Москвѣ дѣлается несомнѣннымъ, на что—не считая Берха, по мнѣнію котораго Михаиль съ матерью *тогда только* были привезены въ Москву и поручены надзору Гонсѣвскаго (16)—указываетъ и слѣдующее обращеніе къ царю митрополита Ефрема, въ рѣчи, произнесенной послѣднимъ въ самый день коронованія Михаилова: «А васъ великаго государя съ матерью вашею великою старицею, государыней нашею Мареюю Ивановною, и бояръ вашихъ, и окольничихъ, дворянъ и всякихъ чиновъ всякихъ людей захватили (поляки) въ городѣ, и въ Китаѣ, и въ Кремлѣ, и держали въ неволѣ, а иныхъ за крѣпкими приставы (17)». Неволя эта, и именно по отношенію ея къ семейству Филаретову, вовсе не была однимъ только краснѣмъ словомъ въ рѣчи митрополита Ефрема, потому что хозяйствавшіе въ Москвѣ поляки, дѣйствительно, не могли оставить на свободѣ отрока, отецъ котораго, по убѣждѣнію всѣхъ поляковъ, положилъ на словѣ съ патріархомъ, чтобы на престолѣ бытъ сыну его, а не польскому королевичу (18), — убѣждѣніе, отчасти оправдываемое и тѣмъ, что еще до вступленія поляковъ въ Москву, уже видимо склонявшуюся къ сторонѣ Владислава, когда Гермогенъ всенародно плакался передъ москвичами, доказывая имъ—даже примѣрами изъ исторіи—необходимость выбрать царя православнаго, а не иновѣрца — митрополитъ Филаретъ Никитичъ тоже выѣзжалъ къ Лобному мѣсту и тоже увѣщевалъ москвичей не сдаваться на лѣстивыя обѣщанія Сигизмунда. (19)

(16) Царствованіе царя Михаила Федоровича и взглядъ на междуцарствіе, В. Верх. 1832. ч. I, с. 86.

(17) Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изд. 1813—1827. т. III, с. 76.

(18) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, собр и изд. Археографическою комиссіею. т. IV, с. 483.

(19) «Патріархъ Гермогенъ», П. Мансвѣтова. См. Духовной Бесѣды 1861 г. № 30, с. 289.

Какъ бы то ни было, Михаилу Федоровичу доводилось оставаться самовидцемъ такъ выразительно названной современниками *московской разрухи* — бѣдствія, вмѣстѣ съ поляками накликанного на Москву единственно малодушіемъ и себялюбіемъ московской боярской думы. Боясь успѣха втораго Лжедмитрія—успѣха сомнительнаго, если принять въ соображеніе, какъ уже на добѣли тогда Москвѣ самозванцы—и въ увѣренности, что даже кратковременное господство тушинскаго вора означается, со стороны тушинцевъ, избѣніемъ именно московскихъ бояръ, большою частію прирожденныхъ господъ тушинской сволочи, московскіе бояре предпочитали «лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ холопей своихъ и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться», а потому всячески стали хлопотать о впускѣ Жолкевскаго въ Москву, и не безъ труда согласили на это патріарха, которому бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, дядя Михаиловъ, даже, говорить, сказалъ тогда, что «если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, имъ, боярамъ, для спасенія головъ своихъ, придется идти за гетманомъ» (20). Но не одни московскіе бояре подготовили московскую разруху: имъ, въ этомъ случаѣ, дѣятельно помогалъ польскій король Сигизмундъ, отъ котораго кн. Мстиславскій уже получилъ санъ конюшаго, а кн. Юрий Трубецкой боярство, и которому бояръ Фед. Шерemetевъ даже имѣлъ низость бить челомъ о своихъ вотчинныхъ деревняхъ (21). Не довольствуясь присягою москвичей королевичу Владиславу, Сигизмундъ хотѣлъ такой же присяги себѣ, а потому, вопреки крестному цѣлованію, учиненному за него въ Москвѣ Жолкевскимъ, не высыпалъ сына своего въ Москву, не снималъ осады Смоленска, который продолжалъ громиться поляками подъ тѣмъ предложомъ, что «прямитъ вору»; наконецъ, когда «вора» уже не стало (22), — Сигизмундъ вѣроломно схватилъ и отправилъ въ Литву пріѣхавшее за Владиславомъ русское посольство, причемъ «Паны Рада, говоритъ хронографъ, пословъ отъ себя отпустили, сердитуя на нихъ, а какъ послы пошли изъ хоромъ, и Паны Рада пословъ лаяли, а говорили: не послы, то воры» (23); въ заключеніе же всего, лучшее имущество пословъ разграбили и часть посольскихъ слугъ перебили.

Сидя съ матерью въ неволѣ, Михаилъ Федоро-

(20) Исторія Россіи съ древнейшихъ временъ, С. Соловьевъ. 1858. т. VIII, с. 332, 346.

(21) Акты Истор., т. II., № 298.

(22) Тушинскій воръ убитъ 11 Дек. 1610 г., въ Калугѣ, на охотѣ, татариномъ Уракомъ-мурзо Урусовымъ (въ крещеніи кн. Петръ Араслановичъ).

(23) Дѣянія Петра Великаго, соч. Н. Голикова. Изд. 1840 г. т. XII, с. 385.

вичъ, при всей отроческой наивности своей, едва ли могъ не смыслить самъ или, по крайней мѣрѣ, не слышать отъ другихъ, въ чёмъ именно заключались причины этой неволи, и едва ли не проникался безпрерывными жалобами окружающихъ на то, что хотя правитель Москвы, панъ Гонсѣвскій, и ходитъ на совѣтъ въ боярскую думу, но не одинъ, а всегда съ Мих. Салтыковымъ, кн. Вас. Мосальскимъ, Федъкою Андроновымъ, Ив. Грамотинымъ и другими русскими клевретами польского короля, которыхъ только и слушаетъ, тогда какъ изъ нихъ даже неоднімъ окружающими Михаила Федоровича былъ бѣльмомъ на глазу Федъка Андроновъ, когда-то торговецъ лаптями, потомъ тушинецъ, а теперь думный дворянинъ и приставникъ Сигизмундовъ къ сокровищницѣ московскихъ царей, человѣкъ, который, по свидѣтельству лѣтописца, «наипаче московскимъ людямъ пакость дѣляше» (24). Слышалъ также Михаилъ Федоровичъ и о томъ, что около патріарха уже начинаютъ собираться московскіе и всякие люди, раскаявающіеся въ присягѣ Владиславу, и что патріархъ, стѣмѣвшій внушить этимъ людямъ опасеніе за цѣлостность православія, то и дѣло пишетъ въ города окружныхъ граматы, внимая которымъ уже воспринутъ въ Рязани Ляпуновъ, залюбовался Ярославль, потянули къ Москвѣ и Великій и Нижній Новгороды, поднялись пермичи, встало русская земля — и, по мысли Ляпунова да благословенію святѣшаго Ермогена (25), уже идуть всѣми дорогами къ Москвѣ: изъ городовъ рязанскихъ и съверскихъ — самъ Прокопій Ляпуновъ; изъ земли муромской — кн. Литвиновъ-Мосальскій; изъ края низовскаго — кн. Рѣпнинъ; изъ Суздаля — Артемій Измайловъ; изъ Вологды и Поморья — Нащокинъ, да оттуда же съ служилыми татарами князья Пронскій и Козловскій; изъ Галича — Мансуровъ; изъ Ярославля и Костромы — кн. Волконскій; идуть даже недавніе сторонники тушинскаго вора: изъ Калуги — Заруцкій, а изъ Тулы — кн. Трубецкой; идетъ и Просовецкій съ казаками и черкесами. То было, дѣятельно, первое ополченіе русской земли, къ несчастію послѣдней имѣвшее на челѣ свое и такихъ людей, какъ Ляпуновъ — натура пылкая, благородная, талантливая, но не свободная отъ увлечения личностями; и такихъ, какъ кн. Трубецкой, получившей боярство въ Тушинѣ; какъ Заруцкій, явный любовникъ Марины; какъ Просовецкій, буйный атаманъ буйныхъ казаковъ. Но въ Москвѣ никто еще не предвидѣлъ этого несчастія, а напротивъ, всѣ несомнѣнно вѣровали въ успѣхъ предпріятія Ляпунова — и Михаилъ Федоровичъ не замедлилъ прослушать, что поляки, встревожен-

(24) Никоп. лѣтоп., ч. VIII, с. 147.

(25) Ист. Гос. Росс. Н. Карамзина, т. XII, с. 164.

ные движеніемъ ополчившихся, приказали московскімъ боярамъ вытребовать у патріарха запрещеніе Прокофію Ляпунову идти къ Москвѣ, и что патріархъ далъ на это такой отвѣтъ: «къ Прокофію напишу: если Королевичъ на Московскіе государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литви изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру»—отвѣтъ, до того озлобившій Мих. Салтыкова, ретивѣйшаго изъ русскихъ сторонниковъ Владислава, что Салтыковъ, вѣя себя, бросился на патріарха съ ножемъ, но Гермогенъ, спокойно перекрестивъ голову измѣнника, тутъ же громко сказалъ ему: «не страшуся азъ ножа твоего, но силою креста Христова вооружаюся; будиже ты отъ нашего смиренія проклять въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» (26). Свѣдавъ затѣмъ, что Гермогенъ уже находится подъ стражею, Михаилъ Федоровичъ, конечно, былъ очевидцемъ того, какъ, въ ближайшее вербное воскресеніе, взятый изъ приставовъ узникъ-патріархъ совершилъ обрядъ вайї, т. е. шествовалъ верхомъ по обычаю, но безъ обычной торжественности, потому что москвики не толпились, какъ бывало, въ улицахъ, гдѣ надлежало слѣдовать шествію, а запуганные поляками, прятались по домамъ, и не царь, а кн. Гундоровъ вѣль за узду коня патріаршаго, между тѣмъ, какъ самъ патріархъ, ѿхавшій между рядами польскихъ ротъ и эскадроновъ, не имѣлъ кого торжественно благословлять на обѣ стороны. Унылое шествіе это происходило 17 марта 1611 г., а два дня спустя, 19 марта, Михаилъ Федоровичъ услышалъ набатъ съ пушечной пальбою въ самой Москвѣ, потому увидѣлъ страшное зарево надъ пылающимъ Бѣлымъ-городомъ,—и узналъ, что поляки съ наемниками своими нѣмцами, принявъ неважный шумъ на рынкѣ за начало ожидаемаго ими народнаго возстанія, выбѣжали изъ кремля,бросились рѣзать русскихъ по всему Китай-городу, отсюда ворвались въ Бѣлый-городъ, гдѣ на многихъ улицахъ уже нашли грозныя баррикады, и остановленные въ Тверскихъ воротахъ стрѣльцами, у Яузскихъ—Колтовскімъ, а въ Замоскворѣчье—Бутурлинымъ, начальными людьми передовыхъ дружинъ Ляпунова, встрѣтили на Срѣтенкѣ мужественный отпоръ случайно находившагося въ Москвѣ кн. Пожарскаго, который, нѣсколько собравъ около себя пушкарей да кое-какихъ охочихъ людей, принялъ враговъ ядрами и втолталъ ихъ обратно въ Китай-городъ, гдѣ поляки немедленно были осаждены всѣмъ населеніемъ Бѣлаго-города, вслѣд-

ствіе чего рѣшились, по совѣту Мих. Салтыкова, выкуривать осаждавшихъ огнемъ, т. е. поджечь Бѣлый-городъ, причемъ Салтыковъ первый запалилъ свой собственный домъ. Пожаръ Бѣлаго-города длился весь остальной день и всю наступившую ночь, а на утро занялось Москворѣчье и поляки снова ударили на кн. Пожарскаго, который, обостроясь на тискъ, долго, въ дыму и огнь, бился съ врагами, наконецъ, изнемогъ отъ ранъ, палъ на землю, и, полумертвый, прямо съ побоища былъ отвезенъ воинами въ Троице-Сергіевъ монастырь.

Такъ началась московская разруха. Среди ужаса и разрушенія, уже низложивъ Гермогена, замѣненнаго на патріаршемъ престолѣ лже-патріархомъ Игнатіемъ, малодушные московскіе бояре, въ глазахъ Михаила Федоровича, праздновали съ поляками наступившее тогда свѣтлое воскресеніе, на другой день котораго, 25 марта, сто тысячное ополченіе Ляпунова завидѣло обгорѣлые верхи московскихъ колоколенъ и стало гуляй-городами на всѣмъ пространствѣ около Симонова Монастыря, а 1 апрѣля подошло къ пепелищу Бѣлаго-города, гдѣ заняло всѣ мѣста бывшихъ воротъ и приняло благословеніе Троице-Сергіева монастыря—святую воду, привезенную келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ. Съ 6 апрѣля начались ежедневные приступы и битвы, въ которыхъ Ляпуновъ стяжалъ имя лъвообразнаго стратига, а поляки обрѣли нужды и лишенія, вынуждавшія Гонсѣвскаго и Струса откровенно писать къ начальнику смоленскаго осаднаго войска, Потоцкому: «рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, сидять въ Китаѣ и кремль въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить ѿстъ нечего» (27). Само собою разумѣется, что такую же тѣсноту по неволѣ претерпѣвали и осажденный съ поляками Михаилъ Федоровичъ, страданія котораго увеличились еще скорбю о пльчи отца его, какъ разъ тогда же сдѣлавшемся извѣстнымъ въ Москвѣ. Между тѣмъ, осаждавшіе, продолжая свое дѣло, въ ночь на 22 мая атаковали стѣну Бѣлаго-города и овладѣли тутъ всѣми башнями, а 23 мая принудили къ сдачѣ Новодѣвичій монастырь, защищаемый двумя ротами поляковъ и пятью стами нѣмцевъ, но вскорѣ затѣмъ получили новую, нерадостную вѣсть. Нерадостная вѣсть эта заключалась въ томъ, что Смоленскъ, цѣлые двадцать мѣсяцевъ достославно обороняемый Шеинъ, 3 июня 1611 г. палъ, наконецъ, да и то жертвою измѣны, къ ногамъ Сигизмунда, послѣ чего доблій Шеинъ, пытанный и отягченный оковами, былъ немедленно отправленъ въ Польшу, а московскіе бояре столь же немедленно прислали Сигизмунду и Владиславу

(26) Новый Лѣтописецъ, по списку кн. Оболенскаго. Изд. 1853. с. 129.

(27) Исторія Россіи и пр. С. Соловьевъ. т. VIII. с. 409.

грамату, въ которой, къ вѣчному позору своему, между прочимъ, писали: «и мы, ваши государскіе вѣрные подданные, слыша о кроворазлитѣе невинныхъ многихъ крестьянскихъ душъ простыхъ людей и жонъ и младыхъ нескверныхъ младенецъ, которые в Смоленску, в непокорствѣ Михаила Шеина с товарыщи и ссылкою лихихъ людей, которые во крестьянстве покою видети не хотѣли и не хотятъ, погибли и бѣдно с свѣта сего сошли, о нихъ крестьянскимъ обычаемъ и братскою любовью поскорбѣли, какъ о братѣ нашей единокровной, а о томъ, что вамъ великимъ государемъ надъ непослушники вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣнѣе, Богу хвалу воздаемъ, и васъ великихъ государей на вашихъ преславныхъ и на прибылыхъ государствахъ поздравляемъ» (28). Таково было нравственное паденіе бояръ, сидѣвшихъ въ осадѣ съ поляками и Михаиломъ Федоровичемъ! Но вожди осаждавшихъ, едва ли думавшиѳ тогда о Михаилѣ Федоровичѣ, тоже не могли похвастать безукоризненіемъ подвига своего, помраченаго взаимнымъ недовѣріемъ и недружелюбіемъ ихъ, рознью, царившею между ними и не устраниеною даже приговоромъ всего ополченія и многихъ городовъ, въ силу котораго полномочное управлѣніе землею и земствомъ ввѣрялось, съ 30 іюля 1611 г., нераздѣльно тремъ лицамъ: боярамъ и воеводамъ кн. Дм. Тим. Трубецкому и Ив. Мар. Заруцкому, да думному дворянину и воеводѣ Прок. Петр. Ляпунову.—Кичась тушинскимъ боярствомъ своимъ передъ товарищемъ, простымъ думнымъ дворяниномъ, Трубецкой и Заруцкій уже тѣмъ самыми раздражали гордое самолюбіе Ляпунова, который, въ качествѣ тріумвира, совершенно равноправнаго и Трубецкому и Заруцкому, зорко остерегался уступать какое нибудь преимущество тушинскому боярству обоихъ, и если менѣе наблюдалъ эту зоркость въ отношеніяхъ съ Трубецкимъ, человѣкомъ неспособнѣмъ, а потому неопаснымъ, наконецъ, все таки прирожденнымъ княземъ, то не упускалъ случаевъ показать себѣ передъ Заруцкимъ, потому что разумѣлъ Заруцкаго не больше, какъ темнымъ уроженцемъ Тарнополя, высокочкою безвѣстнымъ до эпохи тушинской, но высокочкою умнымъ, хитрымъ, коварнымъ и, слѣдовательно, небезопаснымъ. Заруцкій, дѣйствительно, былъ таковъ и находя, съ своей стороны, въ энергіи и талантахъ Ляпунова большую помѣху отдаленнымъ видамъ своимъ, не замѣдлилъ отдѣлаться отъ товарища - тріумвира, для чего постарался сочинить и скрѣпить подъ - руку Ляпунова окружную грамату, гласившую, между прочимъ: «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить, а

когда дастъ Богъ государство Московскoe успокится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ» и представилъ сочиненіе свое казакамъ, которые зашумѣли, собрали кругъ, потребовали Ляпунова къ отвѣту и тутъ же, въ кругу, изрубили знаменитаго воеводу, а съ нимъ и личнаго врага его, Ив. Ржевскаго, дерзнувшаго смѣло и благородно сказать озлобленнымъ казакамъ: «за посмѣхъ вы Прокофья убили: Прокофьевой вины нѣть» (29).

Неизвѣстно, какъ подѣствовало именно на Михаила Федоровича событіе смерти Ляпунова, которое, глубоко опечаливъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи, вынудило многихъ ополченцевъ разбрестись по домамъ и, можетъ быть, поубавило энергіи у оставшихся подъ Москвою, вслѣдствіе чего поляки, въ половинѣ августа 1611 г., снова овладѣли частю Бѣлаго-города. Совсѣмъ тѣмъ, картиное выраженіе Карамзина, будто бы «Ляпуновъ паль на гробъ отечества» (30) едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ, не оправдывается событіями, послѣдовавшими за смертью Ляпунова. Такъ, въ томъ же августѣ, когда русскіе потеряли часть Бѣлаго-города, нижегородскіе посыльные свіѧженинъ Родіонъ Моисеевъ и ратманъ Пахомовъ, успѣвъ проникнуть въ тюрьму Гермогенову на Кириловскомъ подворьѣ и видѣться съ патріархомъ-узникомъ, принесли нижегородцамъ новую грамоту Гермогена съ прежнимъ увѣщаніемъ его, «чтобъ они стояли крѣпко о вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атаманемъ безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринки панина сына не благословляли.... отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ; проклять отъ святаго собору и отъ наасъ» (31), а казанцы, словно угадывая тайную мысль Гермогена, грамотою же убѣждали пермичей: «казаковъ въ городѣ не пущати, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, кого намъ дастъ богъ на Московскoe государство государя. А выбрати бы намъ на Московскoe Государство государя всею землею россійскія державы; а будеть козаки учнутъ выбирати на Московскoe Государство государя по своему изволенію одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти» (32). Стало быть, ни религіозный характеръ восстанія, возбужденнаго граматами Гермогена, ни дѣло первого земскаго ополченія, запятнанное клятвопреступническимъ убийствомъ Ляпунова, не утрачивались вовсе, пока звучалъ знакомый всѣмъ голосъ патріарха, и должно

(28) Исторія Россіи и пр., С. Соловьевъ. т. VIII, с. 425

(29) Истор. Гос. Рос. Н. Карамзина. Т. XII. с 193—194.

(30) Древнія государственные граматы, на казныя памяти и члобитныя, собран. въ Пермской губерніи В. Берхомъ. изд. 1821. с. 77.

(31) Собр. гос. грам. и дог. т. II, с. 569.

было ожидать, что на тот же знакомый голос снова откликнется русская земля, *второе ополчение* которой, наученное опытом *первого*, и смоет грѣхъ и довершить дѣло этого первого ополчения. Справедливость такого ожиданія, дѣйствительно, начинала подтверждаться и граматами Троице-Сергіева монастыря, съ октября 1611 г., вполнѣ замѣнившими собою граматы патріарха, и движениемъ, которое, съ того же октября, стало возникать въ Нижнемъ-Новгородѣ между тѣмъ какъ подмосковный станъ, то буйствуя, то сражаясь съ перемѣннымъ счастіемъ, все таки не впускаль въ Москву только что прибывшій изъ Ливоніи 2-тысячный отрядъ литовскаго гетмана Хоткевича, принужденный, поэтому, всю осень ограничиваться одною фуражировкою для осажденныхъ, а съ наступленіемъ зимы отойти къ Ржеву.

Какое же движение возникало въ Нижнемъ-Новгородѣ? Тамъ, вслѣдъ за получениемъ первой троицкой граматы, написанной архим. Діонисіемъ и исполненной духа граматы Гермогеновыхъ, мѣстныя городскія власти собрались для обсужденія вопроса: что предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ? Въ этомъ собраніи присутствовалъ вмѣстѣ съ другими и Козьма Мининъ, кличуко Сухорукій, ремесломъ говядарь, званіемъ земской староста, горожанинъ зажиточный, бывалый и пользавшійся общимъ уваженіемъ нижегородцевъ. Тронувшись, какъ и многіе, чтеніемъ троицкаго воззванія, Мининъ глубоко проникся цѣлями, дѣйствительно высокими, и тутъ же, въ собраніи, съ одушевленіемъ сказалъ присутствовавшимъ: «Св. Сергій явился мнѣ сегодня ночью, и повелѣлъ возбудить уснувшихъ. Прочтите грамоту архимандрита Діонисія въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу». На другой же день, по звуку праздничного колокола, хотя тогда были будни, нижегородцы стеклись въ спасскій соборъ, отстояли тутъ литургию, потомъ выслушали приличное слушаю слово соборнаго протоіерея, а наконецъ и самую грамоту Діонисія, чтеніе которой прерывалось рыданіями и восклицаніями: «увы намъ! гибнетъ Москва! гибнетъ государство!» Пользуясь впечатлѣніемъ, которое чтеніе граматы произвело на слушателей, Мининъ тутъ же сталъ говорить всенародно: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ, кто бы вступился за насъ и былъ у насъ военачальникомъ». Затѣмъ начались народныя сходки, на которыхъ продолжалъ раздаваться голосъ Минина, уже представившаго въ народную складчину и золотые да серебряные оклады съ собственныхъ иконъ, и мониста съ пропизами жены своей Татьяны, и сто рублей денъга-

ми. Примѣру Минина слѣдовали почти всѣ, а кто не хотѣлъ жертвовать, у того брали силою. Дѣло стало только за военачальникомъ, но и военачальника скоро отыскалъ Мининъ же, весьма кстати сообразившій, что неподалеку отъ Нижняго, именно въ с. Пурехѣ, Балахнинскаго уѣзда, дolicивается отъ ранѣе столъникъ кн. Дм. Мих. Пожарскій, привезенный сюда изъ Троице - Сергіева монастыря, — Пожарскій, въ качествѣ сосѣдняго помѣщика, давно и съ самой выгодной стороны извѣстный всѣмъ нижегородцамъ, а теперь, послѣ подвиговъ своихъ въ Москвѣ, привлекавшій къ себѣ и вниманіе и участіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Съ нимъ-то успѣль снести смѣтливый Мининъ и, предварительно получивъ желаемое согласіе, указалъ землякамъ именно на кн. Пожарскаго, къ которому немедленно же отправились нижегородскіе депутаты: архимандритъ Феодосій, дворянинъ Жданъ Болтингъ «да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди». Съ честію принявъ депутатовъ, Пожарскій сказалъ имъ: «радѣ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ Ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать», и на отзывъ депутатовъ, что такого человѣка въ Нижнемъ нѣть, князь прямо назвалъ Козьму Минина, къ чему добавилъ: «бывалъ онъ человѣкъ служивой, ему это дѣло за обычай» (33). Такимъ образомъ кн. Пожарскій и говядарь Мининъ—наименованный *выборнымъ отъ всей земли человѣкомъ*—явились предводителями новаго ополченія, которое, повѣстивъ о себѣ городамъ окружными граматами, тогда же стало получать отсюду ратниковъ, деньги, сукна, запасы, и, къ началу 1612, пріобрѣло характеръ *земскаго*, потому что, не считая нижегородцевъ, видѣло въ рядахъ своихъ и смольянъ, и дорогобужанъ, и вязьмичей, и коломенцевъ, и рязанцевъ, и даже служилыхъ людей изъ городовъ украинскихъ.

Этому земскому характеру втораго ополченія всѣ не были рады остатки первого, уже не столько осаждавшіе тогда Москву, сколько разбойничавшіе подъ нею, о чёмъ осажденные въ Москвѣ бояре, въ январѣ 1612 г., писали городамъ такъ: «ныне кн. Дмитрий Трубецкой да Иванъ Заруцкой съ товарищи стоять подъ Москвою на большое крестьянское кровопролитье и Московскому государству и городомъ всѣмъ на конечное разореніе, а не на покой крестьянской, и безпрестаннѣ Ѣзды по городамъ отъ нихъ истаборъ ис-подъ Москвы, казаки

(33) Исторія Россіи и проч. С. Соловьевъ. т. VII, с. 443 ид. «Нижний - Новгородъ и нижегородцы въ смутное время», П. Мельникова. См. Отечественные Записки 1843. юль. отд. II, с. 23 и д.

грабить и розбивають и невинную кровь крестьянскую проливаютъ, и насилиуютъ православныхъ крестьянъ, бояръ и простыхъ жонъ емлютъ на блудъ, и нетлѣнныхъ девицъ растѣваютъ насилиствомъ мучителскимъ, и церкви Божіи разоряютъ, и святые иконы обдираютъ и обругаютъ, и многіе стужные и скаредные дела на иконахъ Божіихъ створяютъ, чего умъ нашъ страшится написати» (34). Еще болѣе Трубецкаго и Заруцкаго съ товарищи не радовались второму ополченію осажденные въ Москвѣ поляки, число которыхъ значительно уменьшилось съ 6 янв. 1612 г., когда 7-тысячный отрядъ польскихъ войскъ, по заблаговременному условію съ королемъ, выступилъ изъ Москвы и отправился за жалованьемъ въ Польшу, причемъ—что, конечно, было извѣстно и Михаилу Федоровичу—засставилъ бояръ выдать себѣ, въ счетъ жалованья, нѣкоторыя изъ сокровищъ царской казны, а именно: корону Бориса Годунова, корону—еще недодѣланную — Лжедмитрія, два или три куска драгоценной единороговой кости, посохъ изъ той же kosti, по концамъ оправленный золотомъ съ бриллантами, и гусарское сѣдло Лжедмитрія украшенное золотомъ, каменьями и жемчугомъ (35). Зналь также Михаилъ Федоровичъ, что остававшіеся въ Москвѣ поляки снова подсылали къ заточенному патріарху бояръ, съ требованіемъ запрета ниже-городцамъ ополчаться; зналь и то, что отвѣтомъ на это патріарха были снова благословеніе возстающимъ и про克莱тіе измѣнникамъ; слышалъ по- томъ, что поляки, злобясь на такую великодушную твердость старца, почти не даютъ патріарху юсть, и узналь наконецъ, что 12 февраля 1611 г. патріархъ Гермогенъ умеръ, дѣйствительно, съ голода, при чёмъ, замѣтилъ, умолкалъ, едавали не единственный въ то время голосъ за избрание Михаила Федоровича — и умолкалъ, казалось, на-всегда. Послѣднее казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что, не считая московскихъ бояръ, продолжавшихъ быть *стѣрными подданими* и Владислава и Сигизмунда, подмосковный станъ первого земского ополченія, не далѣе, какъ 2 марта, присягнуль новому самозванцу, какому-то Сидоркѣ, изъ Пскова, между тѣмъ какъ многіе города держали сторону сына Маринкина, а Новгородъ приглашалъ въ русскіе цари принципа шведскаго, съ чѣмъ, по-видимому, соглашался и самъ кн. Пожарскій, который, стоя съ ополченіемъ въ Ярославлѣ, въ то же время переписывался оттуда съ императоромъ Матіасомъ, предлагавшимъ на русскій престолъ любого изъ эрцгер-

цоговъ—племянниковъ своихъ. О Михаилѣ Федоровичѣ не думалъ, стало быть, никто — по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1612 г., означененныхъ, съ одной стороны, хлопотами кн. Пожарскаго по предмету устройства ополченія, переписки съ городами и дипломатическихъ сношений съ Новгородомъ и императоромъ, злодѣйствами, съ другой—Заруцкаго, который, постѣ неуспѣха убийства, подсыпанныхъ имъ въ Ярославль къ кн. Пожарскому, не захотѣлъ дожидаться прибытія къ Москвѣ втораго земскаго ополченія, а потому, оставилъ подъ Москвою кн. Трубецкаго, бросился съ половиною осаднаго войска громить Коломну, откуда, уже вмѣстѣ съ Мариною и сыномъ ея, бѣжалъ въ Михайловъ.

21 авг. 1612 г. ополченіе Пожарскаго и Минина пришло, наконецъ, къ Москвѣ, и уклонившись отъ приглашенія кн. Трубецкаго стать въ одномъ съ нимъ таборѣ у Яузскихъ воротъ,—расположилось у воротъ Арбатскихъ. Отсюда Пожарскій и Мининъ ежедневно, съ 22 по 25 августа, выходили биться съ гетманомъ Хоткевичемъ, который всѣ эти дни усиливался пробраться въ Москву съ цѣлымъ обозомъ провіанта, но, вмѣсто того, былъ принужденъ отступить къ Можайску, да еще съ потерей значительной части своего обоза,—отступленіе и потеря, лишавши осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ послѣдней возможности добыть себѣ сѣрѣстной запасъ. Впрочемъ, и осаждавшіе Москву русскіе неtotчасъ воспользовались счастливымъ отраженіемъ Хоткевича, вслѣдъ за уходомъ котораго между предводителями обоихъ ополченій, по-старому, не замедлила встать рознь, возбужденная, съ одной стороны, требованіемъ боярина кн. Трубецкаго, чтобы *столъникъ* кн. Пожарскій и *торювый человекъ* Мининъ єздили на совѣщеніе къ нему боярину, а съ другой—отказомъ Пожарскаго и Минина исполнить это требованіе, потому что въ таборѣ Трубецкаго снова появились тогда «многіе старые заводчики всякаго зла», изъ которыхъ Ив. Шереметевъ и кн. Григ. Шаховской уже научали казаковъ убить Пожарскаго, «что и Прокоѳья Ляпунова убили, добавляеть въ окружной граматѣ своей самъ Пожарскій, а Прокоѳей убить отъ Иванова жъ заводу Шереметева» (36). Но такъ какъ рознь эта, сообщаясь отъ предводителей подчиненнымъ, могла грозить уходомъ изъ подъ Москвы всѣхъ казаковъ, уже начинавшихъ кричать, что они давно голодны и холодны, такъ пусть доступаютъ Москву одни *богатые дворяне*, т.-е. ополченіе Пожарскаго, то надо было чѣмъ

(34) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. II. с. 584.

(35) Записки Маскѣвича. См. Сказ. Соврем. о Дим. Самозв. I. V. с. 109.—Московская Оружейная Палата. Изд. 1860 г. с. 280.

(36) Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. Т. II, вып. I, с. 95 96.

нибудь удовлетворить недовольныхъ, — и троицкій архимандритъ Діонісій поспѣшилъ прислать *въ залогъ* казакамъ разныя дорогія облаченія и тогда уже богатой троицкой ризницы, чѣмъ до того смутиль и растрогаль буяновъ, что они тотчасъ же возвратили троицкому монастырю его сокровища, а Трубецкой не замедлилъ уладиться съ Пожарскимъ и Мининымъ на счетъ мѣста стѣздовъ и совокупнаго образа дѣйствій. Послѣдній ограничился пока устроеніемъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлаго-города укрѣплений (туровъ), съ которыхъ производилась непрерывная пальба по Китай-городу и Кремлю, причемъ Пожарскій отправилъ къ «полковнику и всему рыцарству, Нѣмцамъ, Черкасамъ и Гайдукамъ, которые сидятъ въ кремль», грамату съ предложеніемъ честной сдачи и такимъ, въ заключеніе, обѣщаніемъ: «которые изъ васъ захотять въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой заѣпки, а которые захотять московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству (37)». Отвѣтъ на эту грамату былъ однако гордый и грубый отказъ, хотя «осажденные, говорить полякъ-современникъ, питались только собаками, кошками, мышами, кожами, размоченными въ водѣ и раскрошенными на мелкія части, и пожирали другъ друга, даже откапывали недавно погребенные трупы (38)». 22 сентября, осаждавши, «прося у Бога милости, городъ Китай взяли взятиемъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и живыхъ многихъ поймали» (39), послѣ чего кремлевские поляки, въ заботѣ объ уменьшеніи числа желудковъ и ртовъ, заставили все еще сидѣвшихъ съ ними въ осадѣ русскихъ бояръ выслать изъ кремля всѣхъ боярынь, которыхъ Пожарскій принялъ честно и каждую проводилъ къ тому или другому изъ своихъ пріятелей, за что едва не убили его казаки, лишенные случая пограбить боярынь. Наконецъ, черезъ мѣсяцъ послѣ взятия Китай-города, сдались, 22 октября, и «кремлевские сидѣльцы», доведенные голodomъ до послѣдней крайности, и молившіе только о пощадѣ жизни, что и было имъ обѣщано. Прежде, чѣмъ выходить самимъ, поляки выпустили изъ Кремля бояръ — кн. Ф. И. Мстиславскаго, кн. Ив. Мих. Воротынскаго, Ив. Ник. Романова съ племянникомъ Михаиломъ Федоровичемъ и матерью послѣдняго, Марею Ивановною, и многихъ другихъ русскихъ, волею или неволею дѣлившихъ съ поляками всѣ ужасы осаднаго сидѣнья въ Кремль. Ка-

(37) Исторія Россіи и проч. С. Соловьевъ Т. VIII. с. 455

(38) Сказанія о походахъ короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россію, С. Кобѣжицко-Кобержицкаго. — См. Сынъ Отечества 1842. № 3, с. 14.

(39) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, соб. и изд. Археографической комиссию. Т. I, с. 292.

заки и тутъ хотѣли броситься на выпущенныхъ изъ Кремля бояръ, но былидержаны ополченіемъ кн. Пожарскаго, который, такимъ образомъ, уберегъ Михаила Федоровича, быть можетъ, отъ опасности потерять юную и ни въ чемъ неповинную жизнь. 24 октября выбрались изъ кремля поляки, а 26 октября, послѣ предварительного молебствія на Лобномъ мѣстѣ, въ этотъ Кремль, цѣлые двадцать пять мѣсяцевъ недоступный ни одному честному русскому, соединено съ крестнымъ ходомъ вошли ополченія Трубецкаго и Пожарскаго, тогда же отпраздновавши побѣду свою торжественною літургіею и благодарственнымъ молебствіемъ въ Успенскомъ соборѣ, хранившемъ еще всѣ слѣды недавняго колунства враговъ православія. Вскорѣ затѣмъ Михаилъ Федоровичъ и Марея Ивановна отбыли изъ Москвы въ костромскія деревни свои, о чемъ современный риторъ свидѣтельствуетъ такъ: «сей же Михаило Федоровичъ и съ матерью своею, по дѣйству Святаго Духа, спасеніе отъ злого томительства приемлетъ, и яко птицѣ отъ тенета отрешаетца, и во своя вотчины, въ Костромской уѣзде, скоро по спасеніи возвращаетца (40).

Прежній порядокъ вещей на Москву начинай уже возстановливаться, и дѣла вершились общимъ приговоромъ князей Трубецкаго и Пожарскаго, когда Москва снова встревожилась было извѣстіемъ, что король Сигизмундъ въ Вязьмѣ, — но успокоилась, съѣдавъ, что Сигизмундъ, послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ къ Волоколамску, ни съ чѣмъ пошелъ назадъ, въ Польшу.

Тогда-то стали на досугъ потолковывать въ Москву, что «безъ государя Московское государствоничѣмъ не строится и воровскими заводы на многія части раздѣляется, и воровство многое множится» (41) и проч.; отсюда естественно, пришли къ желанію поскорѣе имѣть государя, «кого всею землею оберутъ» (42) — и покончили тѣмъ, что окружною граматою приглашали всѣ города высылать въ Москву «лучшихъ и разумныхъ людей» для величайшаго дѣла, суть котораго тутъ же высказывалась предвареніемъ, чтобы всѣ имѣющіе явиться изъ городовъ «лучшіе и разумные люди» были уполномочены отъ согражданъ своихъ трактовать на Москву «о государствѣ обираньї». Города приняли вызовъ Москвы съ удовольствіемъ, и одинъ за другимъ спѣшили отправлять въ Москву выборныхъ, по сѣздѣ достаточнаго — хотя и не полнаго — количества которыхъ, въ Москву былъ объявленъ трехдневный постъ, а затѣмъ начались засѣданія земскаго собора. Въ этихъ засѣ-

(40) Соб. Гос. Грам. и Дог., т. I, с. 611.

(41) Тамъ же, т. III, с. 12.

(42) Дворцовые Разряды, изд. 1850, т. I, с. 20.

даніяхъ прежде всего разсуждалось о томъ: выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или изъ своихъ «московскихъ родовъ»? и было приговорено: «литовскаго и свейскаго (шведскаго) короля и ихъ дѣтей, и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ некрестьянской вѣры греческаго закона на владимѣрское и на московское государство не обираги, и Маринки и сына ея на государство не хотѣти, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли къ себѣ неправду и крестное преступление и мирное нарушеніе, какъ литовской король московское государство разорилъ, а свейской король Великій Новгородъ взялъ обманомъ» (43). Оставалось, слѣдовательно, взяться за своихъ, т. е. за «московскіе роды», и, такъ какъ имѣли въ виду дѣло не легкое, именно же: избрать «государя праведна, чтобы дань быль отъ Бога, а не отъ человѣка», (44) то «много, говоритъ современникъ, избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, ини же иного, и вси разно вѣщаху, и всякий хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни», при чемъ, по свидѣтельству того же современника, «мнозіи отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары» (45). Дѣло въ томъ, что вельможи не хотѣли уступать престолъ вельможамъ; тайные доброжелатели поляковъ — а они были между вельможами — желали видѣть на этомъ престолѣ, по крайней мѣрѣ, не сверстника своего, а подростка или юношу, при которомъ не было бы никакого опытнаго руководителя; духовенство стояло на одномъ, чтобы избрали православнаго. Хронографъ кн. Оболенскаго говоритъ, что въ одинъ изъ «немалыхъ» дней, посвященныхъ избирательнымъ преніямъ, собору были разомъ предъявлены два письменныя мнѣнія: одно — неизвѣстнаго галичскаго дворянину, заключавшее въ себѣ совѣтъ избрать въ цари Михаила Федоровича Романова, какъ ближайшаго по родству къ русскимъ царямъ изъ дома Рюрикова; другое—какого-то донскаго атамана, трактовавшее прямо: о природномъ царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. — Соборъ преднарекъ царемъ Михаила Федоровича Романова но, за не-прибытиемъ въ Москву еще многихъ выборныхъ и за отсутствиемъ изъ Москвы всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ, товарищей полякамъ по осадному сидѣнью, подтвержденіе избранія Михаилова было отложено соборомъ на двѣ недѣли, съ 8 (46) до 21 февраля,

(43) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 12.

(44) Никон. Лѣтоп., ч. VIII, с. 200.

(45) Новый Лѣтописецъ, с. 160-161.

(46) Мальгинъ относитъ день избранія Михаилова не къ 8,

съ чѣмъ вмѣстѣ соборъ отправилъ нарочныхъ гонцовъ за отсутствовавшими боярами, и разослали надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ прислушиваться къ мнѣнию народа о предъизбранномъ царѣ. Къ дню 21 февраля приѣхали въ Москву отсутствовавшіе бояре, явились недостающіе выборные, возвратились надежные люди — и въ этотъ день состоялось полное засѣданіе земскаго собора въ которомъ никто не отвергъ Михаила, вслѣдствіе чего рязанскій архиепископъ Феодоритъ, новоспасскій архимандритъ Иосифъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ вышли на Лобное мѣсто, спросили, москвичей: кого хотятъ въ цари? и получили единогласный отвѣтъ: Михаила Федоровича Романова (47). 25 февраля Москва начала присягать Михаилу, и въ тотъ же день соборъ отправилъ въ города извѣстительныя граматы о вожделѣнномъ избраніи, въ которыхъ удостовѣрялось, что избраніе это совершилось «не по чьему заводу и крамолѣ: Богъ его государя на такой великой царской престолѣ изобралъ, мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости, и всѣмъ людямъ о его царскомъ обираныи Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утвержденіе» (48).

Итакъ Россія уже нашла себѣ царя, но еще не имѣла его, потому что и самъ избранникъ, проживавшій тогда, по однимъ извѣстіямъ, въ Домниѣ, а по другимъ — и болѣе вѣроятнымъ — въ Костромѣ, ничего пока не вѣдалъ о послѣднихъ событияхъ въ Москвѣ. Зная это, земской соборъ, принявший на себя — сть именемъ земскаго совѣта — временное управление, въ засѣданіи 2 марта опредѣлилъ вѣстниками отъ лица земскаго совѣта о совершившемся избраніи и члобитчиками отъ всего московскаго государства о принятіи престола отправить къ государю царю и вел. кн. Михаилу Федоровичу всея Россіи «въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ» — архіеп. рязанскаго Феодорита; архимандритовъ: Чудова монастыря Авраамія, Новоспасскаго — Иосифа и Симонова — Павла; келаря Троице-Сергіева монастыря Авраамія Палицына; трехъ протоіереевъ: московскихъ соборовъ благовѣщенскаго и архангельскаго и церкви Николы зарайскаго; бояръ: Фед. Ив. Шереметева и кн. Вл. Бахтеярова-Ростовскаго, окольничаго Фед. Вас. Головина, дьяка Андр. Варѣева, приличное количество стольниковъ, стряпчихъ, приказныхъ лю-

а къ 3 февраля. См. Зерцало русскихъ государей, с. 460.— Тоже говоритъ и Голибѣвъ. См. Дѣян. Петр. Вел., т. XII., с. 492.

(47) Исторія Россіи и пр., С. Соловьевъ. Т. VII., с. 460—461.

(48) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 14.

дей и жильцовъ съ выборными изъ городовъ, словомъ, «всѣхъ чиновъ множество». Земскій совѣтъ тогда же вручилъ посламъ обстоятельный наказъ, объяснявшій посольскія обязанности каждого изъ нихъ и предписывавшій, напримѣръ, боярину Шереметеву держать къ новоизбранному царю такую рѣчъ: «Великій государь царь и вел. кн. Михайло Федоровичъ всея Россіи! Прислали къ тебѣ, великому государю, бити челомъ и милости просити твои государевы бояре, и окольничие, и чашники, и стряпчие, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жильцы, и изъ городовъ дворяне, и дѣти боярскія, и головы стрѣлецкіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и пушкари, и всякие служилые люди, гости, и черные и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства, чтобы тебѣ государь великому Московскому государству ко всякимъ людямъ милость показать, для крестьянскаго покоя и тишины, на свой царскій престолъ пожаловать къ Москвѣ идти и своимъ царскимъ приходомъ всѣхъ людей обрадовать, а недруговъ «своихъ и всѣхъ непріятелей Московскому государству учинить въ страхованыи и боязни, а какъ твой государевъ на свой царской престолъ въ царствующій градѣ Москву подвигъ будетъ, и съ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и всякие люди встрѣтять тебя государя съ чудотворными иконами, животворящими кресты, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ государю и прямить и головы свои за тебя государя класти всѣ люди отъ мала и до велика ради». «А будетъ — продолжалъ тотъ же наказъ — государь царь и вел. кн. Михайло Федоровичъ всея Россіи архіепископа, и архимандритовъ, и бояръ, и окольничихъ и всякихъ людей не пожалуетъ, учнетъ отказывать, или зачѣмъ учнетъ государь размышлять; и (поименовываются послы) бити челомъ и умолять его государя всякими обычая, чтобы онъ государь милость показалъ, человѣтъ ихъ не призрилъ, быль на владимирскомъ и московскомъ государствѣ государемъ царемъ и вел. княземъ всея Россіи, и пожаловалъ ѿхалъ къ Москвѣ вскорѣ; такое великое Божье дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣніемъ, по избранью, Богъ учинилъ его государя государемъ и въ сердца вложилъ всякимъ людямъ и до сущихъ и беззлобивыхъ младенцевъ, чтобы быть на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго Царствія ему государю Михайлу Федоровичу». Наконецъ — за наставленіемъ, какъ успокоить государя на счетъ скорой выручки отца его изъ польского плѣна, — въ заключеніи наказа говорилось: «Да и всякими обычая государю.... бити челомъ и его государя

умолять, чтобы онъ шелъ на свой царской престолъ къ Москвѣ не мѣшкая (49)».

Послы выѣхали изъ Москвы въ тотъ же день, 2 марта, и пока разузнавали дорогу: *идѣю государя?* передъ ними, по той же дорогѣ, какъ водится, бѣжало стουстая молва, которая, разглашая тамъ и сямъ избраніе Михайлова, могла радовать однихъ и, вмѣстѣ, озлоблять другихъ. Возможность послѣдняго естественная въ то время шатости и измѣнъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе Полеваго, что костромичи, боясь могущихъ бѣть покушеній на жизнь избранника, именно тогда предложили Михаилу и матери его — въ Костромѣ ли, въ Домнинѣ ли находились они — занять до прибытія московскихъ пословъ, помѣщеніе болѣе надежное и безопасное — въ крѣпкихъ стѣнахъ Ипатьевскаго монастыря (50). Но были ли дѣйствительно покушенія, которыхъ боялись костромичи, не видно ни изъ чего, не исключая и общеизвѣстнаго героического подвига домнинскаго крестьянина Ивана Сусанина.

Дознавъ, наконецъ, *идѣю государя?* московскіе послы, 13 марта, передъ вечеромъ, прибыли въ подгородное костромское село Новоселки, нынче Новое селище, на нагорномъ берегу Волги, противъ Ипатьева монастыря, остановились въ находившемся тутъ домѣ кн. Глинскаго, повѣстили костромское начальство о пріѣздѣ своемъ, а къ Михаилу и матери его послали спросить: когда дозволять явиться къ нимъ? и тутъ же были посыпаны множествомъ обрадованныхъ костромичей, которые толпами спѣшили поклониться иконамъ Владимірской Божіей Матери и московскимъ чудотворцамъ, отправленнымъ, по распоряженію земскаго совѣта, вмѣстѣ съ послами. Между тѣмъ изъ Ипатьевскаго монастыря принесли отвѣтъ, что Михаилъ и мать его готовы принять пословъ завтра же, вслѣдствіе чего послы провели всю ночь въ совѣщаніяхъ между собою и сношенияхъ съ мѣстными властями о порядкѣ завтрашней церемоніи. На слѣдующій день, т. е. 14 марта, послѣ заутреніи, чины посольства — духовные въ полномъ облаченіи, а свѣтскіе неся на рукахъ иконы — вышли, при колокольномъ звонѣ въ Костромѣ и близайшихъ сelaхъ, изъ дома кн. Глинскаго, направились берегомъ Волги къ устью р. Костромы, сливущему *стрѣлку*, тутъ были встрѣчены всѣмъ костромскимъ духовенствомъ съ иконою Федоровской Божіей Матері и отсюда, общимъ крестнымъ ходомъ, приблизились къ Ипатьевскому монастырю, вѣрь воротъ котораго стояли Михаилъ и мать его, окруженные ипатьевскими иконами, также при ко-

(49) Тамъ же, с. 18. 21—22.

(50) «Вступленіе на престолъ царя Михаила Федоровича», Н. Полеваго. См. Библіотека для Чтенія, 1834 юль, с. 47.

локольномъ звонѣ вынесими свои иконы. Повергшись передъ священными изображеніями, Михаилъ и мать его приняли благословеніе архіеп. Феодорита, но когда послѣдній объявилъ за чѣмъ присланъ, Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачомъ, что царемъ быть не хочетъ», а Марея Ивановна, съ своей стороны, заявила, что сына на царство не благословляетъ — и сынъ съ матерью долго не хотѣли идти за крестами въ монастырскую соборную церковь, о чёмъ на силу могли упросить ихъ присутствующіе.—Въ церкви, послы подали сыну и матери грамоты отъ земскаго совѣта, и стали говорить рѣчи по наказу, по ни сынъ ни мать граматъ не приняли, а на рѣчи пословъ за сына отвѣчала мать, говоря, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣть на такихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ, что онъ еще не въ совершилъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, прежнимъ московскимъ государямъ давъ души свои (присягу), не прямо служили: измѣнили Годунову, убили Отрељева; низложили и выдали полякамъ Шуйскаго; что въ виду всѣхъ этихъ клятвопреступленій, позоровъ, убийствъ и поруганій прежнимъ государямъ и прирожденному государю трудно усидѣть на престолѣ; что при настоящемъ источеніи государственный казны, расхищенніи царскихъ сокровищъ и запустошеніи дворцовыхъ селъ—«государю нечѣмъ служилыхъ людей жаловать, обиходы свои полнить и противъ недруговъ стоять»; что отецъ Михаиловъ, безъ благословенія котораго Михаилу и быть нельзѧ на престолѣ, теперь въ плѣну у короля; что король, узнавъ объ избраніи сына, не оставитъ учинить какое нибудь зло надъ отцомъ и проч. и проч. Напрасно Феодоритъ съ товарищи успокоили Марею тѣмъ, что ей за сына бояться нечего, что все прежнее «дѣжалось волею Божію да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; что во всѣхъ людяхъ московскаго государства была тогда рознь и междуусобіе, но что теперь московскаго государства люди *наказались всѣ*, и пришли въ содиненіе во всѣхъ городахъ и за крестьянскую вѣру хотятъ помереть, и головы свои за избраннаго государя класть, и кровь свою за него лить безъ всякаго сумиѣнья, до смерти»; Марея все таки не соглашалась дать сына въ цари. Тогда все духовенство начало молебенъ передъ иконами, бывшими въ крестномъ ходу, а синклитъ и выборные продолжали тщетно убѣждать Марею «моленія и челобитья не презрить и идти съ сыномъ на царской престолъ.» Когда же, послѣ молебна, духовенство снова воротилось къ Марѣи и снова получило отказъ, архіеп. Феодоритъ велѣлъ поднять при-

несенные иконы, и съ ними, осѣняемый хоругвями, пошелъ прямо къ Михаилу, которому стала грозить гнѣвомъ Божій, такъ что юный Михаилъ, «въ слезномъ теченіи не могій что проглаголати, отойде на мѣсто къ матери своей»—и тутъ только, послѣ шести часоваго упрашиванія, Марея Ивановна согласилась сама, и—замѣтивъ въ слухъ: «Божіе бо есть дѣло, а не человѣческій разумъ»—согласила и сына, сказавшаго, наконецъ: «аще угодно сіе твоему человѣколюбію, Владыко, буди твоя святая воля». На Михаила немедленно возложили животворящій крестъ, дали ему въ руку царскій посохъ или жезль, посадили его на царскій стуль, и начали многолѣтіе *Богоизбранному царю*, послѣ чего всѣ присутствующіе приносили Михаилу вѣрноподанническія поздравленія, и онъ, уже въ царскомъ убранствѣ, при колокольномъ звонѣ и кликахъ народныхъ, стѣдовалъ изъ соборной церкви въ занимаемыя имъ монастырскія кельи, гдѣ въ тотъ же день допустилъ московскихъ пословъ къ рукѣ, и милостиво объявилъ имъ, что скоро будетъ въ Москву. Вѣсть эту, вмѣстѣ съ первымъ донесеніемъ пословъ, привезли въ Москву протопопъ Николо-Зарайскій и гонецъ Усовъ, 24 марта, вечеромъ. и на другой день, самъ по себѣ праздничный, вѣсть была объявлена, а донесеніе читано народу, который выражалъ радость свою громкими воскликаніями и цѣлодневнымъ общимъ весельемъ (51).

19 марта Михаилъ выѣхалъ изъ Костромы (52) и 21-го прибылъ въ Ярославль, жители которого всѣмъ городомъ встрѣтили новаго царя съ образами, хлѣбомъ-солью и подарками, «отъ радости жъ—дбавляеть лѣтописецъ—не можаху промолвити въ слезахъ» (53). Остановясь въ Ярославлѣ, Михаилъ 23 марта послалъ отсюда земскому совѣту первую грамату свою, которую, послѣ изложенія всего хода событій 14 марта и повторенія даннаго согласія царствовать, напоминаль членамъ совѣта, что «сдѣжалось то волею Божію и Московскаго государства всѣхъ васъ и всякихъ чиновъ людей хотѣнъ, а нашего на то произволенъя и хотѣнья не было», а потому въ заключеніи внушалъ: «и вамъ бы боярамъ нашимъ, и окольничимъ (слѣдуетъ перечисленіе чиновъ

(51) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. III. № 10—Истор. Опис. Костр. Ипат. Мон., с. 65—69.

(52) Въ память воцаренія Михаила, въ Костромѣ, въ томъ же 1613 г. положено перенести празднованіе иконѣ Федоровской Божіей Матери съ 16 августа на 14 марта, къ событию котораго приспособлена, съ 1777 г.. и самая служба иконы, а въ память отѣзда Михаилова изъ Костромы въ Москву, въ костромскомъ архіерейскомъ домѣ устроенъ съ 1836 г. храмъ во имя св. муч. Хрисаноа и Даріи, память которыхъ празднуется 19 марта.

(53) Лѣтописецъ о многихъ мятежахъ и проч. Изд. 1788 с. 275.

и званій)... всего Московскаго государства, на чемъ вы намъ кресть цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служити и прымити, и воровъ никого царскимъ имѣнемъ не называть и ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убѣствъ на Москвѣ и въ городѣхъ и по дорогамъ не было, и быти бы вамъ межъ себя въ соединеніи и въ любви; на чемъ есте намъ души свои дали и кресть цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу ради жаловать» (54). Земскій соборъ уже отвѣтилъ Михаилу, что всѣ люди со слезами благодарятъ Бога и молятся о царскомъ здоровье, къ чему даже не упустилъ прибавить и совѣтъ: «тебѣ бы великому государю, насъ сирыхъ пожаловать быть въ царствующій градѣ поскорѣе», — какъ вдругъ въ царствующій градѣ наѣхалъ изъ Ярославля кн. Троекуровъ, присланный отъ государя съ запросями: и есть ли во дворцѣ къ царскому пріѣзду запасы? и послано ли сбирать ихъ по городамъ? и откуда надѣются получить? и кому розданы дворцовыя села? и зачѣмъ докучають царю разные чelобитчики? и зачѣмъ не перестаютъ грабежи по дорогамъ? и съ чьего позволенія разѣхались изъ Москвы дворянѣ и проч., и проч. На все это земскій соборъ отвѣчалъ, какъ могъ, и 1 апрѣля снова писалъ къ посламъ своимъ при государѣ, требуя отъ нихъ извѣстія: когда же будетъ государь въ Москву, и гдѣ велитъ встрѣтить его? Недоумѣніе собора не разрѣшилось и новою царскою граматою изъ Ярославля же, отъ 8 апрѣля, все содержаніе которой заключалось въ замѣчаніяхъ на ничтожное количества запасовъ во дворцѣ и денегъ въ приказахъ, въ указаніяхъ, что не съ кого и не съ чего дѣлать поборы на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ; на конецъ въ требованіяхъ, чтобы скорѣйше измѣкались къ тому способы, на основаніи того, что «учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ; кресть намъ цѣловали вы своею волею: такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить какъ тому всему бытъ.» «А котораго числа — говорилось въ той же граматѣ — изъ Ярославля пойдемъ, о томъ мы къ вамъ велимъ отписать» (55). 11 апрѣля, уже одни бояре, отъ лица и какъ бы въ оправданіе всего собора, писали государю, что посланы они было въ города за кормами воеводъ и сборщиками, но городовые служилые люди не приняли, безъ царскаго указа, ни тѣхъ, ни другихъ, почему они, бояре, ни воеводъ,

ни сборщиковъ болѣе посыпать не смѣютъ — и въ отвѣтъ на это получили извѣщеніе государя, отъ 18 апрѣля, что онъ 16 апрѣля выѣхалъ изъ Ярославля, 17 апрѣля прибылъ въ Ростовъ, и 19-го отправится далѣе, «а идемъ медленно затѣмъ, писалъ государь, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, казаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ» (56). Но были и другія причины этой медленности: 23 апрѣля, едва успѣль царскій поѣздъ прибыть въ село Сватково, какъ явилась толпа ограбленныхъ и израненныхъ дворянъ, жаловавшихся, что такъ поступили съ ними казаки, стоящіе подъ Москвою, на Мытищахъ, и затѣмъ — разомъ посыпались отсюду донесенія, что казаки, даже посылаемые куда либо съ Москвы, «ѣдучи дорогою, кормы емлютъ, а сверху кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей на дорогахъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, и грабятъ, изъ животовъ на пыткахъ пытаютъ, и огнемъ жгутъ, и ломаютъ, и до смерти побиваются» (57). Смущенный такими извѣстіями, юноша-царь невольно началъ осматриваться, и 25 апрѣля, сосчитавъ, на стану въ с. Любимовѣ, что между назначенными охранять особу его стольниками, стряпчими и жильцами иѣтъ на лицо 42-хъ человѣкъ, тутъ же отписалъ земскому совѣту, чтобы у этихъ 42-хъ иѣтчиковъ немедленно были отобраны всѣ вотчины и помѣстья, а по прибытии на другой день, 26 апрѣля, въ Троице-Сергіевскій монастырь прямо объявилъ окружавшимъ, что, «видя такое воровство, грабежи и убивства межъ православныхъ крестьянъ и кроворазлитіе на Москвѣ и по дорогамъ къ Москвѣ, на свой царскій престолъ, отъ Живоначальной Троицы изъ Сергиева монастыря идти не хочетъ, только всего Московскаго государства всѣхъ чиновъ люди въ соединеніе не придутъ, и кровъ крестьянская литися не престанеть, и отъ грабежей не престануть,» причемъ и царь, и мать его «съ великимъ гнѣвомъ и съ плачемъ,» обратили къ бывшимъ при нихъ московскимъ посламъ такой укоръ: «вы намъ били чelомъ, и говорили, что московскаго государства люди всѣ пришли въ чювство. и отъ воровства отстали; и вы намъ били чelомъ и говорили ложено» (58).

Помимо распутицы, «кроворазлитія» и грабежей, царскій пріѣздъ въ Москву замедлялся еще требованіями царя относительно убранства для него и особо для матери его палатъ и хоромъ въ кремль, — требованіями, крайне затруднившими исполнителей. Такъ вмѣстѣ съ новелѣніемъ земскому совѣту ото-

(54) Собр. Грам. и Дог.. т. III, с. 50.

(55) Дворцовые разряды, т. I, с. 1064 1082,—1100.

(56) Тамъ ж. Приложенія: № 24 и 34.

(57) Тамъ же, с. 1161.

(58) Тамъ же, с. 1164.

брать вотчины и поместья у 42-хъ нѣтчиковъ, Михаилъ Федоровичъ послалъ боярамъ указъ не-премѣнно приготовить къ царскому пріѣзду въ Москву: ему, государю, золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а его государевой матери—деревянные хоромы жены царя Шуйского, тогда какъ бояре, еще до этого указа усердствуя пріискать и убрать къ приему царя всѣ дворцовые помѣщенія, сколько нибудь уцѣлѣвшія въ московскую разруху, только что успѣли подновить и отѣлѣвать: ему, государю, палаты Золотую отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу, съ сѣнями, Переднюю и Грановитую, двѣ комнаты царя Грознаго, даже мыленку, а его государевой матери—хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ. Крайне озабоченные поэту царскимъ указомъ, полученнымъ такъ неожиданно и почти уничтожавшимъ всѣ сдѣланія приготовленія, бояре думали еще какъ быть съ нимъ, когда, 28 апрѣля, получили уже подтвержденіе этого указа, вслѣдствіе чего рѣшились послать государю отписку, въ которой, послѣ перечисленія палатъ и хоромъ, приготовленныхъ ему и матери его, они съ откровенностью представляли: «а тѣхъ, государь, полать, что указъ подѣлать, и хоромы царя Васильевы царицы, намъ, холопемъ твоимъ, вскорѣ подѣлати не мочно и не чѣмъ: денегъ въ твоей государевѣ казнѣ нѣть и плотниковъ мало, а полаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ (половъ) въ нихъ, и лавокъ, и дверей, и окончинъ нѣть, дѣлать все на ново, и лѣса такова, каковъ на ту подѣлку пригодится, нынѣ вскорѣ не добыть» (59). Однако, не смотря на все это, Михаилъ Федоровичъ все-таки продолжалъ желать себѣ и матери своей палатъ и хоромъ, обозначенныхъ въ первомъ его указѣ, и не далъ, какъ 29 апрѣля, отвѣчалъ боярамъ: «однолично бѣ ти вамъ палаты и хоромы изготавить, чтобы къ нашему пріѣзду были готовы», при чемъ о хоромахъ, убранныхъ въ Вознесенскомъ монастырѣ для инокини Марыи Ивановны отозвался, что «тѣ хоромы матери нашей жить не пригодятся» (60). Тогда бояре, растерявшіеся окончательно, обратились за помощью къ земскому совѣту, который—и самъ искренно желая скорѣе видѣть царя въ Москвѣ—тутъ же приговорилъ: сузdalскому архиеп. Герасиму съ боярами кн. Ив. Мих. Воротынскимъ да Вас. Петр. Морозовымъ, окольничимъ кн. Дан. Мезецкимъ, дьякомъ Ивановымъ и выборными всѣхъ чиновъ людьми Ѹхать немедленно на царскій станъ, въ с. Братовщину, бить челомъ государю, чтобы онъ умилосердился

надъ православными христіанами, походомъ въ Москву не замѣшалъ,— и Михаилъ Федоровичъ умилосердился, объявивъ архиеп. Герасиму съ товарищи, что будетъ въ Москву 2 мая.

Когда узнала объ этомъ Москва, она крайне обрадовалась, и, въ назначенный день, поднялась вся во стрѣтеніе давно ожидаемому царю, который, вступивъ наконецъ въ первопрестольный городъ новаго царства своего, слушалъ молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ царской рукѣ и здравствовали великому государю, «чтобъ онъ великий государь царь и вел. кн. Михаилъ Федоровичъ всея Русіи, на своихъ великихъ государствахъ Россійскаго Царствія многолѣтнъ и счастливъ быль въ неисчисленная лѣта, въ нескончаемые вѣки» (61). Вскорѣ за тѣмъ, а въ какое именно время—неизвѣстно, тѣ же всякихъ чиновъ люди «придоша, говорить лѣтописецъ, ко государю всею землею со слезами бити чelомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцомъ» (62). Но досуга для царского вѣнчанья пока не представлялось, потому что «литовскіе люди» продолжали еще воевать мѣста бѣлевскія, мещовскія, калужскія, козельскія, болховскія, между тѣль какъ «нѣмецкіе люди», иначе шведы, стояли въ Тихвинѣ, причемъ самъ Великий Новгородъ не переставалъ полу-признавать государемъ своимъ Карлуза Филиппа Карловича, брата короля шведскаго Густава Адольфа, а чисто-русскіе люди дѣйствовали съ Заруцкимъ на югѣ Россіи, въ Астрахани, и сюда то и дѣло тянулись съ сѣвера, изъ уѣздовъ бѣлозерскаго и пошехонскаго казачьи шайки, пробираившіяся къ Заруцкому уѣздами угличскими, ярославскими и романовскими. Кромѣ того, въ Москву поджидали отца государя, митр. Филарета, падѣясь, что дворянинъ Аладъинъ, еще въ мартѣ мѣсяцѣ посланный къ королю и Панамъ Радѣ съ предложеніемъ размѣняться пленными, успѣеть разжалобить и короля, и Пановъ Раду письмомъ Струя съ товарищи, сидѣвшихъ въ крѣпкомъ заточеніи въ кремль, и въ обмѣнѣ на пана Микула Струя получить митр. Филарета Никитича. Главною же помѣхой царскаго вѣнчанія было совершенное запустѣніе царской казны, до того расхищенной въ московскую разруху, что новый царь, дѣйствительно, лишенный средствъ одѣвать и кормить даже ратныхъ людей, долженъ быль искать пособія у богатѣйшихъ изъ подданныхъ своихъ—и сдѣлалъ это, написавъ, 24 мая, къ Строгонову: «у васъ указали есмъ просити въ займы, для крестьянскаго покоя и тишины, де-

(59) Тамъ же, прилож. № 50.

(60) Тамъ же, прилож. № 56.

(61) Тамъ же с. 90.

(62) «Обзоръ царствованія Михаила Федоровича Романова», С. Соловьевъ. См. Современникъ 1852, № 1 отд. П. с. 6

негъ и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ, что дати ратнымъ людемъ, которые стоятъ за образъ пречистыя Богородицы, и за православную крестьянскую вѣру, и за насъ, и за васъ за всѣхъ православныхъ крестьянъ; а сколько чего въ зaimы дадите, денегъ и хлѣбомъ, и товаромъ и то указали есмѧ записывать въ книги, а вамъ давати съ книгъ выписи, за архимаритовыми и за игуменскими и за сборщиковыми руками, почему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взяти, хотя нынѣ и промысловъ убавите, а ратнымъ людемъ на жалованье дадите, сколько мочно дати, а какъ въ нашей казнѣ денги въ сборѣ будутъ, и мы вамъ тѣ деньги велимы заплатити тотчасъ (63).»

Наконецъ, когда надежды на размѣнъ отца государева оказались тщетными, а заемъ у Строгоновыхъ уже состоялся, приступили къ отлагавшемуся до сихъ порь царскому вѣнчанію, которому государь опредѣлилъ быть 11 июля.—Утромъ этого дня, передъ выходомъ въ соборъ, государь пришелъ въ золотую палату, и сѣвъ на престолъ, пожаловалъ родственника своего кн. Бор. Каспул. Черкасскаго и вождя-освободителя кн. Дм. Мих. Пожарскаго обоихъ боярствомъ, для сказки (объявленія) котораго назначилъ: кн. Черкасскому—боярина Морозова, а кн. Пожарскому—думнаго дворянина Пушкина. Но Морозовъ и Пушкинъ—вѣроятно, попривыкнувъ къ мысли, что уже есть у нихъ надежа—государь и можно теперь приняться за прежніе родовые счеты, любезные сердцу мѣстниковъ—стали бить челомъ *въ отечество*: Морозовъ—на кн. Черкасскаго, а Пушкинъ—на кн. Пожарскаго, вслѣдствіе чего Михаиль Федоровичъ, конечно, недовольный чуждымъ ему мѣстничанемъ бояръ, объявилъ, что, для царскаго вѣнчанія своего, повелѣваетъ всѣмъ быть безъ мѣсты. Однако вслѣдъ за тѣмъ, когда посолъ-дьякъ Третьяковъ—въ той же золотой палатѣ и въ присутствіи же государя—сталъ объявлять во всеуслышаніе, что бояринъ кн. Мстиславскій будетъ осыпать царя золотыми, бояринъ Ив. Никит. Романовъ держать мономахову шапку, а бояринъ кн. Трубецкій—скипетръ, то кн. Трубецкій не удержался ударить челомъ государю, что ему, князю, «Ивана менши быть *не вмѣстно*»—и государь, опять скрывая неудовольствіе свое, долженъ былъ согласиться со всею мѣстническою правою ретиваго мѣстника, которому сказалъ съ наружнимъ спокойствіемъ: «*вѣдомо твоє отечество передъ Иваномъ, мочно ему тебя менши быти, а нынѣ тебѣ быть (меньше), для того, что мнѣ Ивану Никитичу по родству дядя; быть вамъ безъ мѣсть*».

(63) Акты собр. въ архивахъ и библиотекахъ Рос. Имперіи Археографической экспедиціею Акад. Наукъ т. III., с. 2—3.

Между тѣмъ бояре Морозовъ, Трубецкіи и кн. Пожарскій, посланные на казенный дворъ за царскимъ саномъ, возвратились съ нимъ въ золотую палату, откуда государь тотчасъ же отправилъ его въ соборъ, велѣвъ нести: шапку и бармы Мономаховы, сложенные на блюдѣ,—духовнику своему, благовѣщенскому протопопу; скипетръ—кн. Трубецкому; державу—кн. Пожарскому; стоянецъ—дьяку Шапилову. Впереди этого шествія назначалось идти боярину Морозову, который мялся и тутъ, даже ударилъ челомъ въ отечество на кн. Трубецкаго, однако по указу царскому, пошелъ. По возвращеніи того же Морозова съ царскимъ духовникомъ и докладомъ, что «уготовано все», изъ золотой палаты двинулось въ соборъ второе шествіе въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ духовникъ, окропляя путь святою водою; за нимъ слѣдовалъ бояринъ Морозовъ; потомъ всѣ окольничіе; далѣе десять стольниковъ, за которыми шелъ самъ государь съ двумя окольничими по сторонамъ, *для обереганья*, а за государемъ слѣдовали бояре, вельможи, княжата, дворяне, боярскія дѣти и всякихъ чиновъ люди. Черезъ площадь между дворцомъ и соборомъ шествіе по-двигалось среди глубокой тишины, хотя «было тогда, говорить современный документъ, всенародное многое множество православныхъ крестьянъ, имъ же несть числа, и вси предстояли со страхомъ и великимъ вниманіемъ по своимъ мѣстамъ, и никто же тогда дерзну преходить царскаго пути,—за чѣмъ, впрочемъ, зорко наблюдали и стрѣлецкіе головы съ сотниками, разставленные на всемъ протяженіи этого пути (64). По вступленіи царя въ соборъ и возглашеніи ему многолѣтія, отправились сначала окольничие и стольники, а потомъ два архимандрита, два протопопа и два діакона—обходить церковь,вшущая присутствующимъ въ ней «народамъ», чтобы стояли со всяkimъ молчаниемъ и кротостю и цѣломудріемъ и вниманіемъ... молили бѣ Господа Бога и пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ за государя царя и вел. князя Михаила Федоровича всея Русіи». Затѣмъ начался и совершился обычнымъ порядкомъ самый обрядъ царскаго вѣнчанія, отправленный первенствовавшимъ тогда духовнымъ лицомъ, казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, который, при этомъ случаѣ, произнесъ рѣчь къ царю, богатую мѣстами въ родѣ слѣдующаго: «Вамъ же подобаетъ, православнымъ царемъ... не токмо о своемъ пещися и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и соблюди стадо его отъ волковъ невредимо, и боятися серна небеснаго, и не давати воли злоториящимъ человѣкомъ» (65). По окончаніи вѣнчанія и

(64) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III., с. 72—73.

(65) Тамъ же, с. 82.

здравствованія, государь переходилъ изъ собора въ соборъ, причемъ на выходахъ кн. Мстиславскій осыпалъ его золотыми. «Того же дни, говорить современное официальное извѣстіе, ъли у государя: казанскій митрон. Ефремъ, ростовскій митроп. Кирилль со властими, а сидѣли въ кривомъ столѣ, а столъ былъ по грановитой палатѣ. У стола были бояре и оконичіе и думные люди, а сидѣли въ большомъ столѣ *всѣ безъ мѣстъ*» (66). На другой день, 12 іюля, въ годовщину рожденія своего, царь пожаловалъ нижегородскаго говядаря Козму Минина въ думные дворяне—и цѣлые три дня не переставали пирь, лилась милостыня, гудѣлъ колокольный звонъ, къ чему современное же и не менѣе первого официальное извѣстіе добавляетъ: «пиру же зѣло честну и велику сотворяemu, царь и митрополиты и епископы и мнозіи благородніи весели быша, и мнози честніи дарове отъ царя изнесошася; иницие же, повелѣніемъ царскимъ и святительскимъ довольно учрежени быша» (67).

Такъ освятилось въ глазахъ народа избраніе Михайлово—событие, до того сильно подѣйствовавшее на воображеніе самовидцевъ и вообще современниковъ, что тѣ и другіе чувствовали потребность дѣлиться тогдашними впечатлѣніями своими съ отдаленнѣйшимъ потомствомъ, въ памятованіе которому тщились болѣе или менѣе подробно записывать всѣ обстоятельства этого события. Однимъ и главнѣйшимъ изъ такихъ напамятованій служить *Грамота, утвержденная о избраніи на россійской престолѣ царемъ и самодержцемъ Михаила Федоровича Романова* (68)—новѣствование весьма пространное, которое, бывъ обязано составленіемъ своимъ предложенію духовенства, одобренному земскими совѣтами въ засѣданіи 14 апрѣля, сочинялось—неизвѣстно кѣмъ, вѣроятнѣе многими—цѣлый мѣсяцъ и сочинилось со всею роскошью тогдашней риторики, а также, по справедливому выражению Полеваго, «съ замѣчательною уклончивостію въ изложениіи многаго» (69). Подлинникъ этой граматы, хранящійся въ государственномъ архивѣ и уже весьма ветхій, такъ что изъ девяти бывшихъ на немъ печатей едва ли уцѣлѣло *три*, представляеть огромный, изъ девяти александрийскихъ листовъ склеенный столбецъ, начало которого и также имя Михаила—всюду, гдѣ оно находится—писаны золотомъ, конецъ же испещренъ 273 подписями, а именно 3 митрополитовъ, 3 архіепископовъ, 2 епископовъ, 18 архимандритовъ, 17 игуменовъ, 1 строителя, 3 келарей, 5 протопоповъ, 5 поповъ, 16 бояръ, 4 околь-

ничихъ, 1 крайчаго, 1 думнаго дьяка, 32 стольниковъ, 18 стряпчихъ, 1 жильца, 102 дворянъ, 36 выборныхъ разночинцевъ и 5 татаръ (послѣдніе не по-русски). Впрочемъ, не однихъ современниковъ Михаила занимали обстоятельства его избрания: уже 60 лѣтъ спустя, въ самые послѣдніе годы царствованія Алексея Михайловича, обстоятельства эти все еще записывались и переписывались съ любовью и тщаніемъ, о чёмъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ дѣла о покупкѣ для письма граматы и книгъ разныхъ писціхъ и друг. материалахъ, веденнаго посольскимъ приказомъ въ 1672—1675г.: «180 (1672) іюля съ 6 числа изъ посолскаго приказу дана писать «Книга о избраніи великаго государя царя и вел. князя Михаила Федоровича, всея Россіи»; а писана книга на Александрійской бумагѣ большой руки, въ цѣлой листѣ, мелкимъ писомъ, августа до 17 числа, и всей книги написано 9 тетратей; и на всякой день писано по 2 листа, окромѣ воскресныхъ дней и великихъ праздниковъ Господнихъ; и въ томъ числѣ 31 листъ порожней»; «181 (1672), ноября въ 6 день, по указу.... Алексея Михайловича.... вѣрѣно строить «Книгу о избраніи блаженной памяти вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Федоровича всея Россіи»; а по сказкѣ иконописцовъ, Ив. Максимова да Серг. Васильева, надобно къ строенію той книги: золота красного 1000 листовъ, серебра 500 лис., бакану Винницкаго четь фунта, яри Винницкѣйской фунтъ, киноварю ф., сурику ф., шпигелю ф., шафрану четь ф., вохры ф., бѣллы ф., шмелти полъ ф., черниль 2 кувшина, камеди полъ ф., черлени ф., яицъ 500, кистей 60»; «181 (1672), Ноября въ 15 день, по указу... приказалъ околничей Арт. Серг. Матвѣевъ дать: сусалнику Сем. Иванову за дѣло листовова золота отъ 10 червонныхъ рудъ 6 алтынъ 4 денги, а то золото дѣлано на строеніе «Книги о избраніи вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Федоровича всея Россіи»; да на тожъ золото и на краски купить ящики съ замкомъ дубовой или липовой»; «181 (1673) апрѣля въ 18 день, пожаловалъ... Алексѣй Михайловичъ... вѣрѣль дать своего государева жалованья: капитану (Ягану Элингузу) за переплетъ отъ дву книгъ, что онъ переплеталъ, «О избраніи блаженныя памяти вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Федоровича, всея Россіи» да «Освилахъ», по обрѣзу въ золотѣ, и за золото и за прикладъ пять рублевъ».

Скажемъ въ заключеніе, что событие избранія и воцаренія Михаила Федоровича Романова, связанный съ дорогими русскому сердцу именами Пожарского и Минина, останется навсегда однимъ изъ знаменательнѣйшихъ событий русской исторіи.

(66) Двор. Разр. т., I, с. 99.

(67) Собор. Гос. Грам. и Дог., т. I, с. 87.

(68) Тамъ же, т. I, № 203,

(69) Библ. для чтен. 1834. іюль, с. 62.